

Онтология Карен Барад и новое основание (пост)гуманитарных наук

© А.В. Дрозденко

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, 410056, Россия
Самарский государственный технический университет, Самара, 443100, Россия

Проанализировано философское переосмысление Карен Барад онтологических и эпистемологических оснований через интеграцию принципов квантовой физики Нильса Бора, в частности феномена дифракции. Показано, что в соответствии с подходом Карен Барад материя и смысл формируют неразделимое целое, а феномены возникают в результате интраакций — взаимодействий, конституирующих объекты и наблюдателей, а не предшествующих им. Последовательно рассмотрены такие феномены, как критика классического разделения субъекта и объекта, утверждение взаимосвязи этики, онтологии и эпистемологии, исследован переход от антропоцентризма к постгуманитарным подходам, где знание трактуется как материальное соучастие в конфигурации мира. Обосновано положение, что философское значение концептуальных разработок Барад заключается в синтезе трех ключевых аспектов ее онтологии: во-первых, онтологического — переход от статичной материи к динамичным интраакциям, где феномены возникают через взаимодействие, а не существуют априори; во-вторых, эпистемологического — познание как активное участие в материальной конфигурации мира, а не пассивное отражение реальности; в-третьих, этического — утверждение ответственности ученого, отвергающего миф нейтральности наблюдателя в пользу включенности в процессы изменения мира. Философия Карен Барад предложена как один из возможных вариантов (пост)гуманитарных наук, открывающих новые перспективы для междисциплинарных исследований в условиях технонаучных трансформаций XXI в.

Ключевые слова: агентный реализм, дифракция, интраакция, этико-онтоэпистемология, материально-дискурсивные практики, постгуманитарные науки, новый материализм, Карен Барад

В основе философии Карен Барад, названной ею агентным реализмом, лежит философское переосмысление открытий квантовой физики, изложение которой она начинает с обращения к понятию дифракции. В классической механике понятием дифракции обозначался феномен отклонения волны от прямолинейного распространения при столкновении с препятствием. Дифракция открывает специфическое физическое понимание распространения волн, отличающееся от геометрического понимания, т. е. простого падения и отражения волн. Барад обращается к экспериментам Гримальди, которые позволили открыть волновую природу света: при освещении монохроматическим источником, например, бритвенного лезвия можно наблюдать тень не в виде четкого силуэта, а дифракционную полосу — темные линии

в светлых областях и светлые линии в темных, созданных дифракцией вокруг внутреннего и внешнего краев лезвия [1, р. 76]. Таким образом, волна, в отличие от частицы, существует как возмущение в некотором поле, не имея конкретной локализации, и может пересекаться с другими волнами в одном и том же пространстве [1, р. 76]. Из-за этой природы света наблюдаются паттерны дифракции: когда одна волна накладывается на другую, они могут либо взаимно усилить друг друга, и тогда появляется светлая полоса, либо ослабить, и тогда возникает темная полоса. В результате уже в классическом понимании дифракции имеется важное философское следствие: если геометрическая оптика рассматривает природу света как частицы, падающие и отражающиеся, то физическое понимание дифракции рассматривает световые явления как картину различий (в частности, различий амплитуд и фаз). Этот переход соответствует отказу от репрезентации, с ее обращением к темам зеркальности и подобия, в пользу философии различия.

Однако без обращения к квантовой физике это останется не более чем метафорой философского мышления. Эмпирическое открытие, что сама материя, обычно представляющаяся как состоящая из частиц, может проявлять волновую природу поведения при определенных условиях, стало ключевым толчком к развитию квантовой физики. Если классическая эпистемология строится на метафоре взгляда, рефлексивности и отражения (даже греческое θεωρία — это особый взгляд богов на процессию [2, с. 176]), то эпистемология квантовой механики основана на встречах и столкновениях. Барад обращается к известному двухщелевому эксперименту Бора: если электронная пушка выпускает по одному электрону в аппарате с двумя щелями, то электроны создают дифракционную картину (т. е. проявляют волновое поведение); но если пытаться наблюдать прохождение электрона, то дифракционная картина разрушается [1, р. 104]. Получается, что квантовая физика разрушает независимого наблюдателя — субъекта — и пассивный наблюдаемый объект классической эпистемологии, измерение теперь не является нейтральным описанием непосредственного объекта. Однако в отличие от эпистемологического вывода Гейзенберга, что электрон обладает определенным импульсом и положением, но знать их одновременно невозможно, Барад поддерживает онтологический вывод Нильса Бора: объекта и субъекта не существует до их определения в рамках конкретного феномена, в которых аппарат наблюдения играет ключевую роль и поэтому тоже должен быть подробно описан [1, р. 120]. С этой точки зрения слова, которыми описывают вещи, перестают быть умозрительными конструктами, опосредующими доступ к объекту. Например, понятия импульса и положения возникают только в ходе сложной научной практики, где либо аппарат с фиксированной пластиной может позволить определить положение, но исключить

импульс, либо аппарат с подвижной основой позволяет определить импульс, но не положение. Для физики-философии Бора важно, что измерительный аппарат, обнаруживая одну взаимосвязь смысла и материи, всегда исключает другие, т. е. осуществляет срез или выбор. Таким образом, смыслы понятий возникают только в ходе конкретных измерений, которые разрешают квантовую запутанность лишь в данном конкретном разрезе.

Обращение к физике было необходимо, чтобы подойти к собственно онтологическим последствиям, которые выводит Карен Барад. Она радикализирует онтологические следствия из идей Бора, как указывает А.А. Парамонов: если для Бора «квантовый объект лишь определенные качества по отношению к средствам наблюдения, то у Барад он возникает впервые в результате особых интраакций внутри феномена (phenomenon), обладающего онтологическим статусом» [3, с. 109]. Феномены, осуществляющие определенный срез, а не субъект и объект, оказываются онтологически первичными. Как отмечает Барад: «Феномен — это специфическая интраакция “объекта” и “измерительных органов”; объект и измерительные органы возникают из (интраакции — *примеч. авт.*), а не предшествуют порождающей их интраакции» [1, р. 128]. Феномен в том смысле, в котором использует Барад, следует отличать, с одной стороны, от терминологии Канта, с другой — от терминологии Гуссерля: у Канта данный термин противопоставляется вещи-в-себе (т. е. то, как вещь является, против вещи, существующей независимо от наблюдения), для Гуссерля феномен — это интенциональное содержание сознания, где вопрос о реальности снят в феноменологической редукции. В терминологии Карен Барад данное понятие описывает первичную онтологическую сущность, отражающую запутанное состояние материи и наблюдателя, возникающих совместно из взаимодействия. Для указания на этот непосредственный характер взаимоотношений Барад использует понятие интраакции вместо привычного термина интеракции, который предполагал бы некоторое опосредованное взаимодействие с предсуществующими объектами и субъектом (как бы через интерфейс наблюдателя). Как указывает Макс Волтер, «когда мы используем приставку “интер”, мы должны думать о данных сущностях, например, релятах, которые (интер-)действуют, чтобы сформировать “новую” сущность, например, сеть, сетку, сборку. Утверждение и постановка фундаментально реляционной онтологии заставляет пересмотреть эту приставку и изменить ее, в соответствии с глубоким изменением концептуального мышления, с inter- на intra(-action) — действительно “глубокий связующий сдвиг”!» [4, р. 58].

Для Барад важно, что материя и смысл неотделимы и составляют недуалистическое целое. В английском языке matter — это одновременно и «материя», и «иметь значение», поэтому еще более

удивительно, что «язык имеет значение. Дискурс имеет значение. Культура имеет значение. В некотором смысле единственная вещь, которая не имеет значения, — это материя» [5, с. 43]. Здесь Карен Барад формулирует материалистическую теорию перформативности. Для данной теории важными являются проекты Мишеля Фуко и Джудит Батлер. Так, Фуко исследует технологии производства «послушного субъекта», где тело является местом пересечения множества властных технологий [6], а Батлер формулирует гендерную теорию перформативности, где гендерная идентичность возникает через ряды повторяющихся практик [7]. Хотя эти мыслители являются важными для проекта Барад, тем не менее, они в значительной степени сохраняют разделение мира на дискурс и материю, исследуя преимущественно человеческий дискурс о мире. Барад обращает внимание, что эта разделенность мира на сущности, смыслы и знающего субъекта, являющаяся основой репрезентационалистской установки, — не предзаданная характеристика мира. Эта граница скорее задействуется аппаратами наблюдения, которые определяются как «особые материальные реконфигурации мира, не возникающие во времени, но многократно реконфигурирующие материю пространства-времени в рамках непрерывного динамизма становления» [5, с. 54]. В онтологии Карен Барад аппараты наблюдения становятся условием возможности существования материально-дискурсивных практик, не предлагая окончательных ответов, но производя «непрерывный поток агентности, посредством которого часть мира делает себя дифференцированно понятной для другой части мира и через который стабилизируются и дестабилизируются локальные каузальные структуры, границы и свойства» [8, р. 202].

В рамках обращения к квантовой физике было показано, как материально-дискурсивные практики обретают значение посредством аппарата наблюдения (в примере с двухщелевым экспериментом). Но как это применить к человеку? Классическая философия возвеличивала человека над миром природы, отделяя от всего прочего в качестве *res cogito*. Неужели человек сам является одной из постоянных реконфигураций материи? Фуко показал рождение и быструю смерть субъекта, однако не продемонстрировал явно неразрывность аппаратов производства и субъекта. Барад обращается к конкретно-материальному процессу производства человеческого тела — аппарату УЗИ: технология ультразвукового исследования требует пересечения многих правил и материально дискурсивных практик от требований к образованию врача не ниже среднеспециального до техники чтения снимка (а также социально-политических и географических условий доступа к больнице). Таким образом, «отметки на экране компьютера (изображения сонограммы, звуковые дифракционные паттерны, переведенные в электронное изображение) относятся к феномену, который

конституируется во внутреннем взаимодействии “объекта” (обычно называемого “плодом”) и “органов наблюдения”» [1, р. 202]. Человек в рамках агентного реализма не отрицается совсем, а переопределяется. Во-первых, субъект перестает быть Субъектом с большой буквы (как сущность, имеющая привилегированный доступ к миру); во-вторых, человек перестает быть единственным и окончательным ответом на все вопросы, существующим независимо или являющимся конечным продуктом производства; в-третьих, человек не является теперь ни чистой причиной, ни чистым следствием. Человек — часть этого материального мира в его бесконечном открытом становлении и создании дифракционных паттернов.

Если в рамках предлагаемой онтологии материя существует в постоянной реконфигурации, а человек находится в рамках дифференциального становления мира, то знание перестает быть простым извлечением значений из пассивных объектов. Знание скорее создается, но не как производство фактов, а как «создание миров, или, скорее, создание конкретных конфигураций мира — не в смысле создания ex nihilo, не из языка, убеждений или идей, а в смысле материального участия в качестве части мира в придании ему конкретной материальной формы» [1, р. 91]. Эпистемология оказывается сплетенной с онтологией, разные научные области тоже вовлекаются в производство новых миров, но не в качестве релятивистского «смещения» всего, а в смысле прослеживания конкретных материальных связей. Классическая методология исследования убеждает, что приверженность одному методу если и не выведет из запутанного леса, то хотя бы будет способствовать продвижению (Декарт). Метод дифракции предполагает исправить эту веру репрезентации, обучая человека более тонкому видению, отдавая отчет, что «видение — это не пассивный физико-сенсорный акт» [9, р. 72], а множество техник, необходимых, чтобы «видеть». Поскольку аппарат наблюдения делает некоторый срез, т. е. позволяет произвести одни материально-дискурсивные практики, исключая другие, то к онтоэпистемологии добавляется важное этическое измерение. Этика здесь не предполагает антропоцентрическую тревогу (вмешательство человека и нарушение «естественного» хода вещей), наоборот, как указывает Катрин Тиле, «мы переходим к (пост)гуманистическому осознанию того, что здесь есть только интраакции изнутри и как часть мира в его становлении и, таким образом, нарушение не является проблемой» [10, р. 49]. Исследователь больше не может ссылаться на используемый метод как на избавление от ответственности за результаты и последствия, поскольку неизбежно он производит срезы в материальных переплетениях, а не наблюдает со стороны. Однако появление одних материально-дискурсивных практик не уничтожает возможности их переконфигурации в другие.

Карен Барад предлагает, по сути, новый эпистемологический идеал научного исследования: объективно не то исследование, которое проведено под взглядом независимого наблюдателя, а то, которое проведено с активным вовлечением в материальные реконфигурации и с пониманием, что ни одна материально-дискурсивная практика не является окончательной. Ученый осознает себя живущим в пограничье, где границы материи и смысла постоянно перестраиваются; чтобы выжить в этих условиях, нужно «жить без границ, быть перекрестком» [11, p. 14].

Таким образом, можно утверждать, что метод дифракции Карен Барад используется в трех смыслах: во-первых, как физическое свойство материи, проявляющей при определенных условиях волновое поведение; во-вторых, для описания запутанных интраакций материально-дискурсивных практик внутри феномена; в-третьих, как переплетенность онтологии, эпистемологии и этики.

Подход Карен Барад критикуют некоторые философы за отсутствие реализма, например, Мануэль Деланда в книге-беседе с Грэмом Харманом отмечает, что презирает (*contempt*) Барад за апелляцию к худшим сторонам науки, в частности к идее, что «сознание (*consciousness*) наблюдателя определяет фактическое состояние электрона» [12, p. 7]. Следует заметить, Карен Барад не пишет о сознании наблюдателя, что действительно являлось бы худшей чертой солипсизма. На протяжении более чем пятисот страниц книги Барад использует термин *consciousness* всего около двадцати раз и только в контексте изложения позиции классической эпистемологии или социального конструктивизма. Для Барад важна «сильная» позиция онтологического реализма, который она развивает из физики Нильса Бора. Не сознание определяет фактическое состояние электрона, а интраакции и агентные срезы.

Это обезличенное описание онтологии Барад подводит к следующей группе возражений-вопросов, которые выдвигает Н.Н. Сосна: во-первых, складываются ли эти серии перформативности в некоторую целостную историю? Во-вторых, кто производит эти агентные срезы? В-третьих, применима ли методология Карен Барад [13, с. 86, 87] к материалу гуманитарных наук? Действительно, если в онтологии Карен Барад человек (*homo*) больше не играет центральной роли, а является одним из переплетений материально-дискурсивных практик, то как возможны гуманитарные науки, имеющие его в качестве своего корня? С точки зрения автора настоящей статьи, онтология Карен Барад смещает главенствующую позицию человека, чтобы избежать «божественной уловки» [14, p. 918], т. е. позиции, когда люди, как привилегированные существа, могут выйти из мира и его отношений, чтобы осмыслить их на расстоянии. Одним из ярких представителей такой

«уловки» является Гегель, для которого истинное диалектическое развитие категорий должно быть выражено не только как субстанция, но и как субъект [15, с. 15]. Таким образом, субъект порождает категории, которые описывают мир, но вместе с тем субъект производит истину о самом себе. У Гегеля развитие категорий складывается в последовательную историю становления духа, где каждая ступень развития впитывает предыдущие.

Однако такая история невозможна при нахождении среди динамических отношений материально-дискурсивных практик. Цель Карен Барад не в отрицании и подчинении одной категории другой, а в стимулировании диалога между расходящимися точками зрения. В этом смысле нельзя написать историю последовательного развития, поскольку каждый перформативный узел находится в единой плоскости с другими. Скорее всего, тут возможна не целостная история, а картография вероятных переплетений, т. е. географическое мышление о различных вариациях материи. Субъект в этом смысле должен избавиться от «комплекса главного героя», перестав быть одновременно и главным (а чаще всего единственным) действующим лицом, и рассказчиком. Возможно, для подобного подхода лучше подойдет название не «гуманитарные науки», а «постгуманитарные» в смысле проекта, предложенного Розы Брайдотти: «Если предметом исследований человечества был Человек, а предметом классических гуманитарных наук — человеческое, значит, общую схему исследований постчеловеческого состояния должны задавать постгуманитарные науки, основывающиеся на сложном взаимодействии человека с не-человеческими агентами» [16, с. 29]. Постгуманитарные науки позволят прокладывать альтернативные пути исследования Субъекту с большой буквы.

Таким образом, в онтологии Карен Барад можно наблюдать три принципиальных сдвига: во-первых, от пассивной материи к запутанным материально-дискурсивным перформативностям, где границы между субъектом и объектом постоянно задействуются и переконфигурируются аппаратами наблюдения; во-вторых, от этики тревоги за мировое существование к активному включению в процессы материальных переплетений; в-третьих, от Субъекта гуманитарных наук к картографии не-человеческих агентов (технологий, экосистем и инфраструктуры), активно соучаствующих в построении мира. Синтезируя эти три сдвига, автор настоящей статьи предлагает использовать онтологию Карен Барад как основу для новых (пост)гуманитарных наук. Агентный реализм Карен Барад оказывается актуальной философией для исследования изменений XXI в., который стал не просто теоретической конструкцией, но руководством к действию в современных технонаучных трансформациях.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Barad K. *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham, London, Duke University Press, 2007, 525 p.
- [2] Павлова Д.А. Античность и современность в философии Ханны Арендт. *Вестник развития науки и образования*, 2019, № 2, с. 175–181.
- [3] Парамонов А.А. Агентный реализм Карен Барад и концептуализм Нильса Бора. *Философский журнал*, 2022, № 3, с. 100–112.
- [4] Walther M. Heraclitus's Onto-stories: Impossible Appointments and the Importance of the Encounter. *Diffraction Reading: New Materialism, Theory, Critique*. Lanham, Rowman & Littlefield, 2021, pp. 51–70.
- [5] Барад К. Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость. *Опыты нечеловеческого гостеприимства: Антология*. Москва, V-A-C Press, 2018, с. 42–121.
- [6] Фуко М. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. Москва, Ад Маргинем Пресс, 2018, 416 с.
- [7] Батлер Дж. *Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности*. Москва, V-A-C Press, 2022, 272 с.
- [8] Barad K. Posthumanist performativity: Toward an understanding of how matter comes to matter. *Journal of Women in Culture and Society*, 2003, vol. 28, pp. 801–831.
- [9] Moran S. Decoherent Reading: On the Constitutive Exclusions of Diffraction Reading. *Diffraction Reading New Materialism, Theory, Critique*. Lanham, Rowman & Littlefield, 2021, pp. 71–92.
- [10] Thiele K. Ethos of Diffraction: New Paradigms for a (Post)humanist Ethics. *Diffraction Worlds — Diffraction Readings: Onto-Epistemologies and Critical Humanities*. London, New York, Routledge, 2018, pp. 38–52.
- [11] Barad K. Diffractioning Diffraction: Cutting Together-Apart. *Diffraction Worlds — Diffraction Readings: Onto-Epistemologies and Critical Humanities*. London, New York, Routledge, 2018, pp. 4–23.
- [12] DeLanda M., Harman G. *The Rise of Realism*. Cambridge, Polity, 2017, 240 p.
- [13] Сосна Н.Н. Исключенная «агентность». О (не)переносимости некоторых естественнонаучных моделей на материю социальных наук. *Международный журнал исследований культуры*, 2021, № 3, с. 77–90.
- [14] Geerts E., Carstens D. Ethico-onto-epistemology. *Philosophy Today*, 2019, vol. 63, iss. 4, pp. 915–925.
- [15] Гегель Г.В.Ф. *Феноменология духа*. Москва, Наука, 2000, 495 с.
- [16] Брайдотти Р. Критическая постгуманитаристика, или Относятся ли медиа-природы к природо-культурам так же, как зое — к bios? *Опыты нечеловеческого гостеприимства: Антология*. Москва, V-A-C Press, 2018, с. 24–41.

Статья поступила в редакцию 26.02.2026

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Дрозденко А.В. Онтология Карен Барад и новое основание (пост)гуманитарных наук. *Гуманитарный вестник*, 2026, вып. 2. EDN IIABRB

Дрозденко Арсений Владимирович — преподаватель кафедры «Философия» Саратовской государственной юридической академии, аспирант первого года обучения кафедры «Философские и социально-гуманитарные науки» Самарского государственного технического университета. e-mail: arseniidrozdenko@yandex.ru

Karen Barad's Ontology and the New Grounding of the (Post)Humanities

© A.V. Drozdenko

Saratov State Law Academy, Saratov, 410056, Russia
Samara State Technical University, Samara, 443100, Russia

The philosophical reinterpretation of the ontological and epistemological foundations by Karen Barad has been analyzed through the integration of the principles of quantum physics developed by Niels Bohr, particularly the phenomenon of diffraction. It is shown that, according to Barad's approach, matter and meaning constitute an inseparable unity, while phenomena emerge through intra-actions—interactions that do not presuppose independently existing objects and observers but rather constitute them. The study consistently examines such aspects as the critique of the classical subject–object division, the assertion of the interconnection between ethics, ontology, and epistemology, and the shift from anthropocentrism to posthumanist approaches, in which knowledge is understood as material participation in the configuration of the world. It is argued that the philosophical significance of Barad's conceptual framework lies in the synthesis of three key aspects of her ontology. First, the ontological dimension involves a transition from static matter to dynamic intra-actions, where phenomena emerge through relations rather than existing a priori. Second, the epistemological dimension redefines knowledge as active participation in the material configuration of the world rather than passive reflection of reality. Third, the ethical dimension affirms the responsibility of the researcher, rejecting the myth of the neutral observer in favor of an understanding of scientific practice as inherently entangled with processes of world-making. Barad's philosophy is thus presented as one of the possible trajectories within (post)humanities, opening new perspectives for interdisciplinary research in the context of technoscientific transformations of the twenty-first century.

Keywords: agential realism, diffraction, intra-action, ethico-onto-epistemology, material-discursive practices, posthumanities, new materialism, Karen Barad

REFERENCES

- [1] Barad K. *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham, London, Duke University Press, 2007, 525 p.
- [2] Pavlova D.A. Antichnost i sovremennost v filosofii Khanny Arendt [Antiquity and modernity in the philosophy of Hannah Arendt]. *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2019, no. 2, pp. 175–181.
- [3] Paramonov A.A. Agentnyy realizm Karen Barad i kontseptualizm Nilsa Bora [Agential realism of Karen Barad and Niels Bohr's conceptualism]. *Filosofskiy zhurnal — Philosophy Journal*, 2022, no. 3, pp. 100–112.
- [4] Walther M. Heraclitus's onto-stories: Impossible appointments and the importance of the encounter. In: *Diffractional Reading: New Materialism, Theory, Critique*. Lanham, Rowman & Littlefield, 2021, pp. 51–70.
- [5] Barad K. Agentnyy realizm. Kak materialno-diskursivnye praktiki obretayut znachimost [Agential realism. How material-discursive practices come to mat-

- ter]. In: *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva: Antologiya* [Experiments of inhuman hospitality: Anthology]. Moscow, V-A-C Press, 2018, pp. 42–121.
- [6] Foucault M. *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Gallimard, 1975 [In Russ.: Fuko M. Nadzirat i nakazyvat: Rozhdenie tyurmy. Moscow, Ad Marginem Press, 2018, 416 p.].
- [7] Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, Routledge, 1990 [In Russ.: Batler Dzh. Gendernoe bespokoystvo: Feminizm i podryv identichnosti. Moscow, V-A-C Press, 2022, 272 p.].
- [8] Barad K. Posthumanist performativity: Toward an understanding of how matter comes to matter. *Journal of Women in Culture and Society*, 2003, vol. 28, pp. 801–831.
- [9] Moran S. Decoherent reading: On the constitutive exclusions of diffractive reading. In: *Diffractive Reading: New Materialism, Theory, Critique*. Lanham, Rowman & Littlefield, 2021, pp. 71–92.
- [10] Thiele K. Ethos of diffraction: New paradigms for a (post)humanist ethics. In: *Diffracted Worlds — Diffractive Readings: Onto-Epistemologies and Critical Humanities*. London, New York, Routledge, 2018, pp. 38–52.
- [11] Barad K. Diffracting diffraction: Cutting together-apart. In: *Diffracted Worlds — Diffractive Readings: Onto-Epistemologies and Critical Humanities*. London, New York, Routledge, 2018, pp. 4–23.
- [12] DeLanda M., Harman G. *The Rise of Realism*. Cambridge, Polity Press, 2017, 240 p.
- [13] Sosna N.N. Isklyuchennaya «agentnost». O (ne)perenosimosti nekotorykh estestvennonauchnykh modeley na materiyyu sotsial'nykh nauk [Excluded “agency”. On the (non)transferability of some natural science models to the matter of social sciences]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury — International Journal of Cultural Research*, 2021, no. 3, pp. 77–90.
- [14] Geerts E., Carstens D. Ethico-onto-epistemology. *Philosophy Today*, 2019, vol. 63, no. 4, pp. 915–925.
- [15] Hegel G.W.F. *Phänomenologie des Geistes*. Hamburg, Meiner, 1807 [In Russ.: Gegel G.V.F. Fenomenologiya dukha. Moscow, Nauka Publ., 2000, 495 p.].
- [16] Braidotti R. Kriticheskaya postgumanitaristika, ili Otnosyatsya li media-prirody k prirodo-kul'turam tak zhe, kak zoe — k bios? [Critical posthumanities, or do media-natures relate to nature-cultures in the same way as zoe relates to bios?]. In: *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva: Antologiya* [Experiments of inhuman hospitality: Anthology]. Moscow, V-A-C Press, 2018, pp. 24–41.

Drozdhenko A.V., Lecturer, Department of Philosophy, Saratov State Law Academy; Postgraduate Student (1st year), Department of Philosophical and Social Sciences, Samara State Technical University. e-mail: arseniidrozdhenko@yandex.ru